

Татьяна Осипова

Лириэль

Татьяна Осипова

Лириэль

<https://litres.ru/74563822>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Путь домой: история Лириэль» — нежная фэнтезиистория о взрослении и поиске своего места в мире.

Лириэль проходит путь от одинокой девочки до выпускницы: школа становится её домом, а друзья — семьёй. Прощальный вечер, вальс, искренние клятвы и слёзы сплетаются в одно большое «до встречи». А потом через знакомую дверь Лириэль возвращается в эльфийский мир — туда, где её с ликованием встречает родная семья. Камень, подаренный другом, напоминает: два дома не противоречат друг другу, а делают её историю полной.

Это рассказ о том, что дом — это люди, которые слышат и ждут, а опыт взросления становится внутренней опорой.

****Продолжение следует****

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Татьяна Осипова

Лириэль

Глава

В краю, куда не добираются хмурые тучи, раскинулась Долина Серебряного Рассвета. Здесь всегда светит солнце — не обжигающее, а тёплое, будто сотканное из золотых нитей. Воздух тут особенный: свежий, звенящий, напоённый ароматом горных трав и прохладой вечных снегов.

Горная река бежала по гладким камням, и каждое её утро начиналось с песни. То она шептала что-то тихое, то вдруг заливалась звонким смехом, перекатываясь через пороги, то тянула протяжную, светлую мелодию, будто здоровалась со всем миром. И редкие птицы — с перьями цвета утреннего неба и изумрудной зелени — отвечали ей. Их трели сплетались с журчанием воды, и получалась настоящая музыка, которую хотелось слушать вечно.

Над долиной раскинулось бескрайнее голубое небо. По нему неторопливо плыли облака — не серые и тяжёлые, а лёгкие, пушистые, похожие на взбитую сладкую вату. Иногда они начинали кружиться в весёлом танце, складываясь в причудливые фигуры: то в смеющегося дракона, то в летаю-

шую лодку, то в девочку с крыльями. Эльфы говорили, что это облака рассказывают ежедневную историю — о том, что ждёт впереди. В этих историях всегда было место игривости и смеху, потому что Долина Серебряного Рассвета не знала настоящей печали.

Именно здесь, в маленьком домике из перламутрового камня, жила Лириэль. Её крылышки переливались, как солнечные блики на воде, а смех был похож на перезвон хрустальных колокольчиков. Она просыпалась раньше всех, чтобы успеть обнять первый луч солнца и послушать, о чём поёт река.

Имя Лириэль несло в себе не просто значение — оно было словно заклинанием, в котором жила сама суть эльфийской магии. «Лир» — свет, чистый и ясный, тот, что прогоняет тени и согревает даже в самый холодный час. «Иэль» — искра, нежное сияние, что рождается в сердце, когда ты по-настоящему счастлив. Вместе они складывались в «искрящийся свет»: не просто свет, а живой, танцующий, наполненный радостью и теплом. Говорили, что имя само по себе — оберег: оно помогало находить дорогу даже там, где тропинки терялись среди мха и корней, и притягивало к себе добрые чудеса.

Лириэль чувствовала себя в Долине Серебряного Рассвета по-особенному — словно весь мир был создан именно для неё, и в то же время она была частью этого мира, его маленькой, но важной ноткой. Здесь, среди солнечных лучей, кото-

рые ласково скользили по её крылышкам, она ощущала себя свободной — так свободно, будто могла взлететь не только над горами, но и над любыми страхами и сомнениями.

Счастье Лириэль было тихим и глубоким, как прозрачная вода в заводи, где видно каждое переливающееся камешко. Оно не кричало, не требовало внимания — оно просто жило внутри, тёплое и надёжное, как обещание, что впереди всегда будет что-то хорошее. А умиротворение окутывало её, словно мягкий шёлковый плащ: даже когда ветер играл с лепестками цветов и всё вокруг двигалось, кружилось и звенело, внутри у Лириэль царила гармония.

Эта гармония рождалась из мелочей: из того, как река утром пела свою песню, а птицы подхватывали её, будто знали каждую ноту; из того, как облака складывались в весёлые истории, и Лириэль могла угадать, о чём они шепчут ещё до того, как фигуры окончательно проявятся в небе; из того, как солнечные лучи сплетались в узоры на стенах её перламутрового домика, словно кто-то невидимый рисовал для неё новые сказки каждый день.

Сегодня облака кружились особенно задорно, будто хотели рассказать что-то необыкновенное. Они то складывались в танцующих бабочек, то превращались в крошечный корабль с парусами из света, то вдруг замирали, чтобы показать Лириэль маленькую сияющую дверь — совсем незаметную, если смотреть вскользь, но ярко мерцающую, если присмотреться. Лириэль замерла, прислушиваясь не только

к шёпоту ветра, но и к тихому звону внутри себя — тому самому, который всегда подсказывал, когда впереди ждёт настоящее волшебство.

Она улыбнулась, и её улыбка была такой же светлой, как имя: в ней не было ни тревоги, ни спешки — только предвкушение доброго приключения и уверенность, что всё будет хорошо.

Лириэль понимала язык животных и птиц так же естественно, как собственное дыхание. Для неё щебет синицы был не просто трелью — а целой историей о том, где расцвёл редкий цветок; шёпот ветра в кронах деревьев звучал как тихий совет; а даже самый робкий шорох в траве мог рассказать целую легенду. Она была словно дыханием самой вселенной — не нарушала её ритм, а становилась его частью, и потому мир доверял ей свои маленькие тайны.

Когда она увидела эту мерцающую дверь, что-то внутри неё перевернулось, будто два голоса заговорили одновременно: один шептал: «Стой, не торопись, здесь граница знакомого мира», а другой звал: «Иди, именно для тебя она открылась». Её маленькая кожа покрылась мурашками, но это был не страх — скорее, трепет перед чем-то необыкновенным, предвкушение, от которого сердце начинало биться чуть быстрее.

Лириэль стала прислушиваться к тому, о чём говорили птицы. Синяя иволга, усевшись на ветку над её головой, тихо пропела: «Дверь не ведёт в беду — она ведёт к ответу, ко-

торый ты давно ищешь, но не знала, как спросить». Маленькая серая птичка, похожая на комочек пуха, добавила: «Не бойся сделать шаг. Даже если не знаешь, куда он приведёт, главное — что ты делаешь его с открытым сердцем». А река, вдруг став тише обычного, будто выдохнула одну-единственную ноту — чистую, ясную, словно знак: «Я буду здесь. Я буду петь, пока ты не вернёшься».

И тогда Лириэль глубоко вдохнула, ощутив, как свежий горный воздух наполняет её силой, и протянула руку к сияющей ручке. Свет от двери лёг на её пальцы, тёплый, как солнечный зайчик, и не обжёг — а будто улыбнулся ей. Она сделала вдох, задержала его на мгновение, а потом решительно, но без спешки, потянула дверь на себя.

Та открылась без скрипа — словно и не была дверью вообще, а просто границей между «до» и «после». За ней не было темноты. Наоборот: пространство переливалось мягким светом, похожим на рассвет, только сотканный из тысяч крошечных искр. Воздух здесь пах не травами и камнями, а чем-то новым — свежестью далёких звёзд и тишиной, в которой слышно, как растёт трава. Перед Лириэль расходилась тропинка, выложенная перламутровыми камешками, а по бокам тянулись тонкие светящиеся нити, похожие на застывшие лучи.

Она шагнула вперёд, и мир вокруг будто замер на миг, чтобы запомнить этот момент: маленькая эльфийка с крыльями, похожими на солнечные блики, идёт навстречу неиз-

вестности, но не теряет своей внутренней гармонии. Ведь она знала: даже если впереди ждёт что-то совершенно новое, её сердце останется тем же — открытым, добрым и полным света.

Лириэль сделала ещё один шаг — и вдруг почувствовала, как меняется всё вокруг, буквально каждой клеточкой своего тела. Это было не как смена погоды, не как переход из тени на солнце — это было глубже. Воздух стал гуще от ароматов, свет — мягче и будто теплее, а тишина наполнилась тихим, едва уловимым звоном, словно сама вселенная тихонько напевала себе под нос. Её крылышки чуть дрогнули, будто пробуждаясь от нового ощущения, а в груди разлилось странное чувство: будто она стала одновременно и меньше, и больше — как будто её маленькое сердце теперь вмещало чуть больше мира.

Тропинка из перламутровых камешков плавно вывела её на просторный луг, залитый золотистым светом. Здесь росли цветы, каких Лириэль никогда не видела в Долине Серебряного Рассвета: одни были похожи на крошечные фонарики, светящиеся изнутри, другие — на кружевные зонтики, усыпанные росой, которая искрилась даже без солнца. Тут и там тянулись к небу высокие стебли с пушистыми головками, а между ними стелился ковёр из мягких трав и мелких цветочков, будто сотканных из утреннего тумана.

Запах разнотравья был таким насыщенным, что казалось, будто он не просто наполняет воздух, а проникает прямо

в душу. Лириэль закрыла глаза и глубоко вдохнула: в этом аромате смешались сладость клевера, терпкость полыни, свежесть мяты и ещё что-то неуловимое, похожее на запах далёких звёзд. Этот запах будто бы пробуждал в ней что-то забытое, родное, и в тот же миг она почувствовала, как внутри неё что-то тихо щёлкнуло — словно открылась маленькая дверца, о существовании которой она раньше не знала. Ей вдруг стало казаться, что она помнит этот луг, хотя никогда здесь не бывала.

Пройдя чуть дальше, Лириэль увидела впереди тонкую серебристую ленту — это была река, но не такая, как в её долине. Вода здесь текла медленно, почти задумчиво, и переливалась всеми оттенками голубого и зелёного, будто в неё капнули краски из волшебной палитры. Лириэль подошла ближе, присела на гладкий камень у берега и наклонилась, чтобы посмотреть на своё отражение.

Но в воде она увидела не себя. В отражении смотрела на неё маленькая девочка лет пяти, с длинными волосами, рассыпавшимися по плечам, и большими карими глазами, в которых светилось любопытство пополам с лёгкой грустью. На девочке было простенькое платьице зелёного цвета, расшитое личиками разных животных: тут и пушистый зайчонок, и серьёзный совёнок, и весёлый ёжик — словно кто-то хотел собрать на ткани целую лесную семью. Девочка в отражении чуть наклонила голову, будто пыталась разглядеть Лириэль так же внимательно, как Лириэль разглядывала её.

На мгновение Лириэль замерла, чувствуя, как по коже снова бегут мурашки — но теперь это был не трепет перед неизвестностью, а что-то похожее на узнавание. Ей показалось, что эта девочка — не чужая. Что-то в её взгляде было до боли знакомым, как воспоминание, которое никак не удаётся поймать целиком.

— Кто ты? — тихо прошептала Лириэль, почти не шевеля губами. Девочка в отражении не ответила словами. Вместо этого она медленно подняла руку и приложила ладонь к поверхности воды — так, будто хотела дотянуться. И в тот же миг Лириэль почувствовала лёгкое прикосновение к своей собственной руке, хотя между ними была только вода и тонкая грань миров.

А потом девочка улыбнулась — так искренне и светло, что у Лириэль защемило сердце. И в этой улыбке было столько тепла, что казалось, будто весь луг стал ещё ярче, а цветы зазвенели, как крошечные колокольчики.

Лириэль осторожно коснулась воды кончиками пальцев, и отражение дрогнуло, рассыпавшись на тысячи серебряных искр. Когда рябь улеглась, девочка исчезла, но ощущение её присутствия осталось — лёгкое, как дуновение ветра, и тёплое, как солнечный луч.

И тут Лириэль поняла: это место не просто показывало ей что-то новое. Оно помогало вспомнить то, что давно пряталось в глубине сердца. И, возможно, именно ради этой встречи она и шагнула за сияющую дверь.

Лириэль бегала по лугу, и мир вокруг звенел от счастья. Она ловила бабочек — не чтобы удержать, а чтобы на секунду почувствовать, как трепещут их крылышки у самой ладони, а потом с тихим «лети» отпускала их в небо. Кузнечики стрекотали ей песенки, ветер играл с её волосами, закручивая пряди в лёгкие вихри, и Лириэль смеялась, потому что это было самое настоящее волшебство — просто быть здесь, дышать этим воздухом, чувствовать, как солнце гладит кожу тёплыми пальцами.

Она совсем не замечала зелёного платяца с вышитыми зверьками — оно казалось ей таким же естественным, как собственные крылышки раньше: будто всегда было частью её мира. В этом пространстве всё ощущалось правильным, будто она наконец-то попала туда, где ей и положено быть. Даже запахи стали другими: не просто аромат трав, а целая история, которую хотелось вдыхать снова и снова, чтобы запомнить каждую ноту.

Лириэль присела на траву, чтобы рассмотреть крошечный цветок, похожий на крошечную звёздочку, и вдруг что-то в воздухе чуть изменилось. Не похолодало и не потемнело — просто в гармонии дня появилась новая деталь, как будто в знакомую мелодию добавили ещё один голос. Она подняла голову и увидела женщину.

Та стояла чуть поодаль, в лёгкой дымке утреннего тумана, и смотрела на Лириэль так, будто видела не просто девочку, а целый мир в её глазах. В её взгляде не было ни строго-

сти, ни спешки — только тихая, глубокая нежность, от которой становилось спокойно даже в самой середине неизвестности. Женщина медленно протянула к ней руки — не требовательно, не властно, а как будто хотела просто дать опору: «Я здесь. Ты не одна».

Лириэль не поняла, кто эта женщина, не знала, откуда она взялась и почему зовёт именно её. Но в этом жесте было столько тепла, что он отозвался внутри неё чем-то очень знакомым — как воспоминание, которое ещё не оформилось в слова, но уже живёт в сердце. И Лириэль, не раздумывая, поднялась с травы и пошла к ней.

Шаги были лёгкими, будто земля сама подталкивала её вперёд. Она не чувствовала страха — только любопытство и странное, тихое чувство, будто она возвращается домой, даже если никогда раньше не была в этом месте. Когда она подошла ближе, женщина наклонилась, чтобы их глаза оказались на одном уровне, и мягко улыбнулась.

— Здравствуй, моя хорошая, — прошептала она, и голос её был похож на шелест листвы в тёплый день. — Я так ждала, когда ты придёшь.

Лириэль хотела спросить: «Кто ты? Почему ты ждала меня?», но слова застряли где-то в горле, потому что вдруг показалось, что задавать вопросы сейчас не нужно. Нужно просто принять протянутую руку и позволить себе быть здесь, в этом мгновении.

И она взяла эту руку. Тёплую, надёжную, пахнущую тра-

вами и чем-то родным, что невозможно описать, но можно только почувствовать. Женщина легко, но крепко сжала её пальчики, и в этот момент Лириэль впервые ощутила, как меняется сама ткань её мира — не резко, не пугающе, а плавно, как рассвет сменяет ночь.

Они пошли вместе по тропинке, и Лириэль вдруг заметила, что её крылышки больше не переливаются солнечными бликами. Вместо этого по её плечам струились длинные волосы, а на ногах — не эльфийские туфельки, а мягкие башмачки, почти незаметные в траве. Но она не испугалась этой перемены. Наоборот, ей показалось, что так и должно быть: будто она надела этот образ, как надевают любимое платье, в котором чувствуешь себя собой — даже если раньше носила что-то совсем другое.

Женщина тихо напевала себе под нос простую мелодию, и Лириэль невольно начала подпевать, хотя не знала слов. Мелодия была ей знакома — она звучала где-то глубоко внутри, как эхо всех тех песен, которые пела река в её родной долине.

Так они шли по лугу: женщина и маленькая девочка в зелёном платьице, и казалось, что весь мир улыбается им вслед, потому что в этом месте всё было устроено так, чтобы каждый, кто пришёл сюда с открытым сердцем, нашёл то, что искал — даже если сам не знал, что ищет.

Тропинка вывела их к небольшому домику, будто сошедшему со страницы волшебной книжки: стены из светлого дерева, крыша покрыта мягкой зелёной травой, а вокруг ви-

лись плети дикого винограда, усыпанные крошечными белыми цветами. Из трубы лениво поднимался дымок, пахнувший мёдом и яблоками, и этот запах был таким уютным, что Лириэль невольно улыбнулась, будто вспомнила что-то очень хорошее, только никак не могла поймать саму воспоминание.

Женщина провела её внутрь, где пахло сушёными травами, тёплым хлебом и спокойствием. В комнате у окна стояло кресло, обитое тканью цвета закатного неба, на столе тихо дремал пушистый кот, а на полке рядами выстроились баночки с вареньем, каждая — с собственной историей, написанной аккуратным почерком на бумажных ярлычках.

— Присаживайся, — мягко сказала женщина, пододвигая к Лириэль маленькую табуретку, обитую мягкой тканью. — Сейчас я налью нам чаю с мятой. Он тут особенный: помогает вспомнить то, что прячется в самом сердце.

Лириэль послушно села, оглядываясь по сторонам. Всё было таким настоящим, тёплым, домашним, что казалось, будто она всегда знала этот домик, просто очень давно сюда не приходила. Она провела ладонью по гладкой спинке табуретки и вдруг замерла: пальцы почувствовали не дерево, а лёгкое, едва уловимое покалывание, будто по коже пробежал солнечный зайчик.

Пока женщина возилась у печи, Лириэль тихонько выглянула в окно. За стеклом луг всё так же переливался в лучах солнца, бабочки кружились в своём бесконечном танце,

а река тихо напевала свою песню. И вдруг в стекле она снова увидела отражение — но теперь оно было странным. На миг в нём мелькнула не девочка в зелёном платице, а крошечная эльфийка с искрящимися крылышками. Отражение дрогнуло, как рябь на воде, и тут же исчезло, оставив после себя лишь лёгкое чувство, будто кто-то тихо позвал её по имени.

Лириэль моргнула, и всё стало как прежде. Но в груди что-то тихонько шевельнулось — словно маленький огонёк проснулся и теперь сидел там, тёплый и живой, напоминая о чём-то важном.

Женщина поставила на стол две чашки, от которых поднимался душистый пар, и села напротив. Её взгляд был таким внимательным и добрым, что Лириэль вдруг захотелось рассказать всё-всё: про Долину Серебряного Рассвета, про реку, которая поёт по утрам, про облака, которые рассказывают истории, и даже про то, как страшно было открывать сияющую дверь.

— Ты многое пережила сегодня, — тихо сказала женщина, словно прочитала её мысли. — Иногда, чтобы сделать шаг в новое, нужно ненадолго забыть, кем ты была раньше. Твоё сердце само выбрало этот образ, потому что в нём тебе сейчас спокойнее.

Лириэль удивлённо подняла на неё глаза.

— Ты... знаешь про меня? Про эльфов?

Женщина мягко улыбнулась и кивнула:

— Я знаю, что ты Лириэль, «искрящийся свет». И знаю,

что твоё сердце умеет слышать даже самые тихие голоса мира. А этот облик девочки в зелёном платице — не маска, а ещё одна твоя правда. Иногда, чтобы увидеть самое главное, нужно стать чуть проще, чуть ближе к земле, к траве, к бабочкам, к ветру.

Лириэль опустила взгляд на свои ладошки, потом снова посмотрела на женщину. В её словах было столько тепла, что страх, который тихо прятался где-то внутри, начал таять, как утренний туман под солнцем.

— А ты... кто ты? — тихо спросила Лириэль.

— Я — та, кто ждёт. Та, кто помнит все дороги, по которым проходят такие, как ты. И я здесь, чтобы помочь тебе не потерять себя, когда мир станет слишком большим.

Они пили чай, и с каждым глотком Лириэль чувствовала, как внутри становится светлее и спокойнее. Кот, наконец проснувшись, мягко спрыгнул с кресла, подошёл к Лириэль и, мурлыкая, уткнулся носом в её ладонь. Лириэль осторожно погладила его, и он довольно зажмурился, будто говорил: «Всё хорошо. Ты на своём месте».

За окном ветер тихо перебирал травинки, река продолжала свою песню, а облака складывались в новые истории — но теперь Лириэль знала: не обязательно понимать каждую строчку, чтобы чувствовать, что всё идёт как надо.

И в этот момент она вдруг поняла одну очень важную вещь: быть собой можно по-разному. Можно быть эльфийкой с крыльями, звенящими от света, а можно быть девочкой

в зелёном платице с вышитыми зверьками. Главное, чтобы внутри продолжал жить тот самый искрящийся свет, который ведёт вперёд, даже когда ты не знаешь, куда ведёт дорога.

— Хочешь, я расскажу тебе одну историю? — спросила женщина, чуть наклонив голову. — Она про то, как однажды маленькая звёздочка спустилась на землю, чтобы научиться слышать тишину.

Лириэль кивнула, придвинувшись чуть ближе. Ей хотелось слушать. Хотелось знать, что впереди не только неизвестность, но и что-то хорошее — то, ради чего стоило сделать этот шаг за сияющую дверь.

Женщина чуть наклонила голову, улыбнулась и начала тихо, будто не хотела спугнуть вечер:

— Когда-то, давным-давно, жила на небе маленькая звёздочка. Она была такой крошечной, что другие звёзды порой её не замечали. «Ты слишком тихая, — шептали они, — ты никогда не станешь яркой». И звёздочка начала сомневаться: а вдруг они правы? Вдруг её света и правда никому не нужно?

Она всё меньше сияла, всё чаще пряталась за облаками, и с каждым разом ей становилось всё труднее снова зажечь свой огонёк. Но однажды ветер сказал ей: «Твой свет не обязан быть громким. Он просто должен быть твоим». И тогда звёздочка решила: она перестала оглядываться на других и просто позволила себе сиять — так, как умела.

И знаешь, что случилось? Её свет стал не просто заметным — он стал нужным. Моряки находили по нему дорогу в темноте, путники переставали бояться ночных троп, а дети, глядя на небо, шептали: «Вот она, моя звёздочка». Оказалось, что дело было не в том, чтобы стать самой большой звездой, а в том, чтобы не погасить свой собственный свет.

Лириэль слушала, прижавшись щекой к тёплой спинке кресла, и чувствовала, как слова ложатся прямо в сердце, словно маленькие тёплые ладошки.

— Понимаешь, — тихо добавила женщина, — верить в себя — это не значит никогда не бояться. Это значит: даже когда страшно, даже когда все вокруг говорят «не сможешь», ты всё равно делаешь шаг. Потому что твоё сердце знает, что ты можешь. И этот свет внутри тебя никто не вправе погасить. Доверяй себе. Слышишь? Даже если ты не знаешь дороги, даже если всё кажется чужим — доверяй своему свету. Он выведет.

Лириэль кивнула, не поднимая глаз, будто боялась, что если заговорит, то из груди вырвется слишком много чувств сразу.

А потом наступил вечер. Небо налилось мягкой синевой, по лугу пробежала прохладная тень, и река запела свою вечернюю песню — тихую, убаюкивающую. Женщина отвела Лириэль в маленькую комнатку, где пахло лавандой и свежести выстиранным бельём. Там стояла кровать — нежная, воздушная, мягкая, как облако. Лириэль коснулась подушки, и

ей показалось, что она действительно ложится на пушистое облако, которое бережно её обнимает.

Женщина укрыла её лёгким пледом, села рядом и тихонько напевала ту самую мелодию, которую Лириэль уже слышала днём. И под этот тихий напев Лириэль уснула, чувствуя, как в груди ровно и спокойно горит её собственный маленький свет.

Утром Лириэль открыла глаза и сразу поняла: в доме никого не было. Ни женщины, ни пушистого кота, ни запаха мяты и яблок. Только солнечный луч лежал на подушке, будто напоминал: «Ты не одна. Ты просто теперь на новом месте».

Лириэль встала, потянулась, подошла к двери, которая, как ей казалось, вела на улицу. Сердце билось быстро, но не от страха — скорее от предвкушения: что же там, за порогом? Она взялась за ручку, глубоко вдохнула и открыла.

И оказалась не на знакомом лугу и не у реки, а на широкой дорожке, ведущей к большому светлому зданию с высокими окнами. Вокруг бегали мальчики и девочки в красивой школьной форме: девочки — в коричневых платьицах с чёрными фартуками, мальчики — в строгих костюмах и белых рубашках. Кто-то смеялся, кто-то торопился, кто-то тихо перешёптывался с другом, а кто-то стоял чуть в стороне, будто привыкал к новому дню.

Лириэль замерла, оглядываясь по сторонам. Всё было таким чужим и в то же время странно знакомым. Будто она ви-

дела это место во сне, который почти забыла, но который всё ещё жил где-то в памяти. Ей казалось, что она уже когда-то стояла на этой дорожке, вдыхала этот воздух, слышала эти голоса.

Она коснулась зелёного платица с вышитыми зверьками, будто хотела убедиться, что это всё ещё она. И вдруг поняла: её свет никуда не исчез. Он просто оказался в новом мире, среди новых звуков и новых лиц. И теперь ей предстояло сделать самое важное — не потерять себя среди этой суеты.

Одна девочка, пробежавшая мимо, вдруг остановилась, посмотрела на Лириэль и улыбнулась:

— Ты новенькая? Не переживай, тут сначала всё кажется странным, а потом ты вдруг понимаешь, что это как раз то место, где тебе и нужно быть.

Лириэль робко улыбнулась в ответ. И в этой улыбке было столько надежды, что казалось, будто её внутренний свет снова чуть-чуть разгорелся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.